



VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

А. И. Кырлежев

(СББК)

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ПОСТСЕКУЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО

На протяжении десятилетий, а также в последнее время и до сего дня часто звучат слова о продолжающейся и нарастающей секуляризации в исторически христианских обществах. Характерно, что эти слова звучат как в религиозной среде, так и в среде вполне секулярной (в том числе и в среде социологов и других обществоведов). И долгое время казалось, что речь идет просто об «истине факта»: нравится кому-то эта секуляризация или, наоборот, не нравится, но вот так обстоят дела, таковы объективные исторические процессы.

Однако в последние десять или чуть более лет (срок не столь большой, но по современным меркам и немалый) в языке философии, социологии, а затем и в популярном языке появились термины, свидетельствующие о том, что с секуляризацией не все так просто. Эти термины: десекуляризация и постсекулярное. В 1999 году известный американский социолог Питер Бергер выпустил сборник статей разных авторов под названием «Десекуляризация мира»¹. Спустя два года знаменитый немецкий философ Юрген Хабермас ввел в оборот выражение «постсекулярное общество»².

Введение этих новых терминов никоим образом не было продиктовано желанием восстановить тот статус, которым обладала религия в досовременную эпоху, но который она постепенно утратила. Эти термины свидетельствуют о каких-то объективных процессах, которые протекают уже на наших глазах.

Очень кратко (и грубо) можно сказать так: секуляризация – это процесс снижения значимости религии в обществе, постсекулярные процессы – это процессы повышения ее общественной значимости.

И главный вопрос, который в этой ситуации встает как перед религиозными сообществами, так и перед сторонниками секуляризма, состоит в следующем: являются ли эти новейшие постсекулярные процессы возвратом религии, ее восстановлением в прежней роли и в прежних правах и, так сказать, реваншем? Другими словами: отменяет ли десекуляризация (опознаваемая не только социологами, но и всеми, кто смотрит ежедневные новости) – секуляризацию? Или речь должна идти о чем-то ином?

Это не только непростой вопрос, но и вопрос чрезвычайно актуальный. Потому что от ответа на этот вопрос зависит то, как будут проявлять себя и действовать в обществе и приверженцы религиозной веры, и сторонники безрелигиозного, принципиально светского взгляда на мир и человека.

¹ Peter L. Berger (ed.), *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington, DC: Ethic and Public Policy Center, 1999.

² Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. М., 2002. С. 129.

Мы не можем сейчас в подробностях рассматривать процесс секуляризации, а также все множество теорий, которые этот процесс пытались описать и обосновать. Еще более проблематичной была бы попытка выяснить содержание понятий «десекуляризация» и «постсекулярное», которые употребляются в самых разных смыслах. Поэтому ограничимся самой общей постановкой вопроса (как он был сформулирован выше).

Пытаясь на него ответить, надо сделать одно предварительное замечание.

Секуляризация – как утрата религией своего прежнего (по существу, определяющего жизнь общества) статуса – это принципиально «западный» феномен, то есть она имела и имеет место в исторически христианской части мира. Но поскольку этот «западный мир» распространил свое влияние на многие другие (если не все) части планеты, секуляризация стала влиять и на эти части, которые в культурно-религиозном отношении никакой секуляризации были не подвержены. И сегодня мы имеем дело с глобальным контекстом, в котором процессы секуляризации и процессы сопротивления секуляризации происходят одновременно. Этот глобальный контекст осложняет весь разговор о секуляризации и десекуляризации. Потому что ситуация в отдельных странах и регионах и ситуация в мире в целом очень разнятся. А теперь «мир в целом» – это такая же реальность для отдельных людей и обществ, как и свой, близкий и понятный, локальный мир.

А теперь вернемся к ответу на поставленный вопрос.

Так называемая десекуляризация или, иными словами, обнаружение того факта, что мы сегодня живем в постсекулярном обществе, никоим образом не отменяют секуляризацию как исторический процесс. Или, точнее: как один из аспектов истории, во-первых, христианского Запада, и, во-вторых, всего остального мира.

Потому что секуляризация в смысле утраты религией своей общественной значимости связана с несколькими факторами, до сих пор определяющими динамику теперь уже вполне глобальной эволюции человеческого мира.

Первый фактор. Появление абсолютно светского взгляда на мир и человека, чему способствовала как новоевропейская философия, так наука, возникшая именно на заре Нового времени (XVI-XVII вв.). Согласно этому взгляду, религия принципиально неразумна, и на этом ее неразумии паразитирует «религиозная власть», преследующая свои корыстные интересы; в религии нет и не может быть никакой Истины – Истина доступна только автономному Разуму.

Второй фактор – совсем иного рода. Это – капитализм. Капиталистический способ хозяйствования (что бы ни говорили об историческом влиянии на него протестантизма) утвердился как принципиально автономная сфера человеческой жизнедеятельности, не определяемая никакими мировоззренческими и религиозными идеями и ценностями. У капитализма одна ценность: прибыль. Капитализм может сдерживать или ограничивать свойственную ему по природе мотивацию, но не может поставить ее под контроль чего-то другого. Капиталисты могут быть религиозны, как лично религиозны могут быть ученые, но их «профессиональный» взгляд на мир и человека в мире всегда подчиняется другим законам.

Третий фактор. Он касается политической системы, утвердившейся в тех исторически христианских обществах, в которых происходили и происходят процессы секуляризации. Точнее, наверное, в данном случае говорить об определенных «политических истинах». И первая из них (применительно к нашей теме) – это истина о свободе совести и вероисповедания. Она гласит, что все вопросы, касающиеся мировоззрения вообще и религиозной веры, в частности,

являются принципиально аполитичными. То есть относятся исключительно к свободному выбору индивидов и частных сообществ индивидов. Иными словами, политика (то есть то, что затрагивает каждого человека в отдельности и всех вместе) также является автономной сферой человеческой жизнедеятельности, у которой есть свои собственные законы, никак не связанные с какими-либо конкретными представлениями о мире и о смысле и целях человеческой жизни в этом мире.

Почему важно учитывать, по крайней мере, эти три указанных фактора? – Чтобы не воспринимать секуляризацию как некий чисто антирелигиозный процесс.

Секуляризация вписывается в более сложный процесс социальной дифференциации, то есть обособления в современных обществах различных общественных и культурных сфер: науки, экономики, политики, собственно культуры и ее различных областей и проч. И в том числе – религии.

Главным результатом секуляризации было не уничтожение, а именно обособление религии (религиозного мировоззрения, религиозной жизни) и тем самым – вытеснение религии из других обособленных сфер жизни общества. Вытеснение в некое специальное религиозное пространство, обособленность которого могла бы обеспечить невмешательство религии в другие, также считающиеся обособленными, сферы.

Конечно, некоторые радикально настроенные идейные вдохновители секуляризации стремились к полному уничтожению религии. Но в целом секуляризация означала не уничтожение религии (ибо принцип свободы вероисповедания является фундаментальным для современного мира), но именно ее геттоизацию, то есть ее «обезвреживание» – чтобы религия не мешала самым современным познавательным, экономическим, политическим и культурным процессам, развивающимся по своим, «автономным», законам.

И надо сказать, что сравнительно долгое время религия (и прежде всего христианские церкви) в той или иной мере подчинялась этим требованиям. Как на капиталистическом Западе, так и советском, социалистическом Востоке «христианского мира». В первом случае это было добровольно, во втором – насильственно. Но суть от этого не меняется.

Проблема, однако, состоит в том, что в человеческом мире, индивидуальном и социальном, нет и не может быть ничего вполне обособленного и автономного. И отдельного человека, и общество невозможно разделить на какие-то автономные части. А тем более невозможно навязать всему миру – даже в эпоху глобализации – те познавательные, экономические и политические стандарты, который утвердились в одной из его частей, даже самой передовой с точки зрения «эффективности развития».

Хочу сразу оговориться: последнее соображение не является оценочным. Оно указывает прежде всего на «истину факта», а также на проблему. И эта проблема, в частности, непосредственно связана с теми процессами и представлениями об этих процессах, на которые указывают термин «десекуляризация» и выражение «постсекулярное общество».

И возвращаясь к основному вопросу, который мы поставили выше, можно сказать так: постсекулярные процессы идут не столько против процессов секуляризации, сколько параллельно последним. Поэтому термин «десекуляризация» не совсем точен и скорее вводит в заблуждение.

Секуляризация неотменима там и тогда, где и когда современная динамика развития имеет место или превалирует. Но в то же самое время на наших глазах

происходят и другие процессы – процессы возвращения религии. И не только в жизнь отдельных людей, но и общества в целом.

Разумеется, мы говорим в данном случае о тех обществах, которые пережили процесс секуляризации, то есть прежде всего об исторически христианском мире, западном и восточном. Но вместе с тем мы говорим и о «мире в целом», то есть о глобальном контексте, в котором перемешаны и активно присутствуют как в религиозном отношении «слабые», секуляризованные общества, так и «сильные» общества, не подвергшиеся «массированной» секуляризации.

Очень важно обратить внимание на то, что сегодня мы все живем в медийном пространстве, то есть таком, которое в значительной степени определяют СМИ, и в этом пространстве религия уже стала одним из постоянных пунктов «повестки дня». Это один из значимых факторов возвращения религии в общественную жизнь. Но для нашей темы важен не сам этот факт, но то, что это происходит вопреки тем научно-познавательным, экономическим и политическим стандартам, которые, по существу, и определили европейскую секуляризацию.

И специфика этой ситуации заключается в том, что религия возвращается в общество, которое уже давно принято считать принципиально светским, секулярным. Но это значит, что, возвращаясь, религия разрушает этот общепринятый образ «секулярного общества», в котором религии не может быть места. Религия возвращается вопреки секуляризации. И в результате происходит своего рода ненасильственная революция: «секулярное общество» – просто в силу соответствующих процессов – превращается в «постсекулярное общество». Так параллельный процесс становится одновременно и «противофазным».

Сегодня нам трудно не только прогнозировать, к чему этот процесс приведет в будущем, но и просто его описывать, потому что все происходит на наших глазах. И мы сами являемся участниками этого процесса – даже когда пытается его осмыслить.

Постсекулярное общество – общество, где «возрождается религия» – это, конечно, общество расколото. И расколото оно не только на верующих и неверующих, но и на приверженцев разных религий и верований, на приверженцев религиозных традиций и религиозных инноваций. Это непростая ситуация – и именно потому, что стандарт «свободы совести и вероисповедания» в нем уже не может надежно работать. Вступая в общественное – то есть общее – пространство, разные религиозные универсумы смыслов и практик неизбежно сталкиваются друг с другом. По-новому встает вопрос о том, как обеспечить сосуществование в одном месте и времени людей и целых сообществ с разными, до противоположности, верами и убеждениями, с разным пониманием мира и разными жизненными укладами.

И вместе с тем «постсекулярное общество» – это сегодня «истина факта». Ибо, даже не отходя от доминирующего новоевропейского представления об обществе как «собрании отдельных, автономных индивидуумов», можно обозначить самую общую структуру этого общества – как состоящего из различных «мировоззренческих групп», что и было обозначено в соборно принятом документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (IV.5).

Общество не может состоять просто из безразличных «атомов» – универсальных научных исследователей, активных и пассивных участников экономического рынка или политических выборщиков, делающих свой выбор из предложенных вариантов. В обществе есть такие «части» или «группы», которые

объединены какими-то смысложизненными ценностями. И это прежде всего – религиозные сообщества.

Конечно, к таким «группам» относятся и приверженцы так называемых гуманистического и даже атеистических убеждений. И тот факт, что в последнее время все чаще представители этой группы заявляют о себе именно как о некоем сообществе – и в Западной Европе, и у нас, – защищая свои индивидуальные и коллективные права, только подтверждает уместность такого понятия, как «постсекулярное общество». Потому что в «секулярном обществе» им не надо было себя защищать – там они просто доминировали и, соответственно, определяли «правила игры».

В то же время представление о «постсекулярном обществе» еще не определяет общественное сознание. В этом самом «постсекулярном обществе» все еще доминирует секуляризм. В этом специфика и парадокс того общества, в котором мы живем.

Если смотреть на эту ситуацию с точки зрения интересов Церкви, то следует проявлять максимальную осторожность в оценках. Потому что здесь возникает два искушения: или броситься в «последний бой» с секуляризмом, чтобы его окончательно победить, благо ситуация, как кажется, благоприятна; или же, наоборот, отвернуться от «сиюминутных» и мало понятных «постсекулярных» процессов и продолжать твердить о «нарастающей секуляризации».

Оба этих подхода – крайние, игнорирующие реальность. «Царский путь», которым всегда шла Церковь в своем историческом странствии, должен быть, на наш взгляд, иным.

Нужно одновременно учитывать как продолжающийся процесс секуляризации, так и параллельный и в то же время по смыслу ей «противофазный» процесс десекуляризации (все-таки и этот термин может быть полезен).

И нужно также учитывать, что эти процессы весьма по-разному протекают в так называемом глобальном контексте и в контекстах локальных, то есть в отдельных странах и культурных регионах.

Мы не можем отвергнуть некоторые принципы секулярного (безрелигиозного) устройства общества не только потому, что это противоречит реальной исторической динамике, но и потому, что эти принципы сегодня реально работают на общее благо конкретных обществ, а потому отражают и выражают определенный аспект блага всех и каждого. И такой подход соответствует историческому опыту Церкви, которая больше всех исторических ситуаций и всегда осуществляла свое спасительное служение в любых предлагаемых обстоятельствах «мира сего».

Но мы не можем и согласиться с тем, что эти секулярные принципы выражают возможную полноту человеческого опыта, индивидуального и социального. Просто потому, что опыт Церкви превышает опыт отдельных исторических эпох и культур, частных мировоззрений и общественных утопий. Но главным образом потому, что Церковь обращает внимание каждого человека и всего общества на то, что превышает опыт посюстороннего существования – как индивидуального, так и социального. В том смысле, что она и социальное существование человека рассматривает «с точки зрения вечности», то есть не отделяет «общественного» – от «частного, индивидуального». Церковь напоминает, что человек отвечает за всё – перед Богом.

Поэтому для Церкви «постсекулярное общество» – это не возможность реванша, но просто еще один вариант предлагаемых историей этого мира обстоятельств жизни и служения. Это историческая ситуация, способствующая

донесению до мира своего понимания этого мира, но и такая ситуация, которая скорее осложняет благовествование, чем его упрощает. Потому что нынешний «возврат религии» означает возврат всех возможных религий, а также псевдорелигий. Причем как в локальном, так и в глобальном масштабе.

Вывод.

Не надо специально бороться с секуляризацией, которая уже утратила свой антирелигиозный пафос и проявляется скорее в общем строе современной политической и экономической жизни. Но нужно противостоять эксцессам агрессивного секуляризма, все еще стремящегося изгнать религию из общества, признавая при этом законное место в этом обществе приверженцев нерелигиозных убеждений как представителей одной из многих мировоззренческих групп, это общество составляющих.

В то же время не следует уповать на десекуляризацию, вообразая, что в новую постсекулярную эпоху станет возможной, скажем, какая-то локальная теократия, известная нам из истории. Потому что существующие теократии (иранская или талибанская), конечно, определяют глобальную постсекулярность, но не имеют никакого отношения к эволюции и нынешнему состоянию исторически христианского мира.

Постсекулярное общество – это общество живое, изменчивое и принципиально проблемное. Оно ставит Церковь в ситуацию многообещающего, но непростого диалога, затрагивающего множество разных общественно значимых проблем. Для Церкви это – позитивная ситуация. Но одновременно это ситуация, которая является новейшим вызовом для Церкви.

И Церковь, которая не только уповает на непреложность слов Спасителя, что врата ада ее не одолеют, но и активно участвует в жизни общества, не может не принять этот вызов. И не только потому, что это соответствует ее собственной двухтысячелетней истории, но главным образом потому, что в этом сам смысл ее земного служения. В соответствии со словами Апостола Павла: для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор 9:22).